

Николас Фоушин

Две теории справедливой войны*

Николас Фоушин – профессор философского факультета. Университет Эмори, г. Атланта, США. Department of Philosophy, Emory University, 561 S. Kilgo Circle, Atlanta, GA 30322, USA: e-mail: philnf@emory.edu

Традиционно считается, что теория справедливой войны подходит исключительно для войн между государствами и не подходит для войн между государствами и группами, не обладающими статусом государства (какими-либо повстанческими или партизанскими организациями). Поэтому для осмысления таких войн и формулирования ограничивающих их принципов важно создание второй теории справедливой войны. В данной статье рассматриваются сходства и различия двух теорий. Первая теория содержит принципы, которых равным образом должны придерживаться воюющие стороны как перед вступлением в войну, так и в ходе войны. Это принципы правого дела, крайнего средства, соразмерности, вероятности успеха, легитимной власти, а также принцип различия. Вторая теория справедливой войны допускает и обосновывает несимметричность соблюдения данных принципов государствами и группами, не обладающими статусом государства, которые ведут войну между собой. Она фактически отменяет действие принципов легитимной власти и вероятности успеха для стороны мятежников. Она трансформирует принцип правого дела, допуская возможность для государства наносить превентивный удар по стороне противника, неприемлемый в войне между государствами, а также ослабляет для государства принцип крайнего средства. При этом принцип различия, не допускающий применения силы в отношении мирных граждан, медицинских работников, духовенства и т. п., а также в отношении госпиталей, школ, домов гражданского населения, религиозных учреждений т. п., должен соблюдаться неукоснительно всеми воюющими сторонами. В статье подчеркивается, что обе теории справедливой войны сталкиваются с разными рода проблемами, но они не являются непреодолимыми. Здесь также анализируются возможности применения двух теорий справедливой войны на примерах реальных событий.

Ключевые слова: теория справедливой войны, принцип правого дела, принцип вероятности успеха, принцип легитимной власти, принцип крайнего средства, гуманитарная интервенция

* Перевод выполнен по изданию: *Fotion N. Two Theories of Just War // Philosophia, 2006. Vol. 34. P. 53–64.*

Универсальные этические принципы, правила и исключения из них

Некоторые этические правила универсальны. Они встречаются во всех или почти во всех обществах. В качестве примеров таких правил можно привести «Не убий», «Не вреди другим», «Не бери то, что не является твоим». Также к ним относится такое правило, как «Не лги», и его положительный коррелят «Говори правду». «Выполняй свои обещания» можно также отнести к этому списку универсальных правил. Кто-то добавит к нему и другие правила, такие как «Будь добрым», «Будь внимательным», а возможно также и принцип «Относись к другим с уважением».

Эти правила и принципы универсальны и в другом смысле. Практически каждая известная нам этическая теория сформулировала эти правила. Думается, каждая теория говорит нам, что убийство порочно, ложь непристойна, а мы должны относиться к другим с уважением. Утилитаристы, кантианцы, интуитивисты, теоретики естественного закона, сторонники теории, основанной на понятии прав, сторонники договорной теории и даже теории, основанной на какой-либо религии, – все сходятся в этом. Только некоторые теоретики добродетели составляют исключение, поскольку они вообще умаляют роль правил и принципов в этическом мышлении. Они предпочитают говорить о характере и о совершенствовании характера¹. Но даже с ними их добродетель говорит о доброте, честности и т. д., которые заменяют те правила, которые признают другие.

Однако какие бы принципы ни включали в данный список, те, кто используют их, сталкиваются с проблемой. На самом деле они сталкиваются со многими проблемами, но я хочу обратиться только к одной. Она касается исключений. Хотя эти правила и принципы универсальны и в культурном, и в теоретическом смысле, они не абсолютны. Абсолютные правила не имеют исключений. Для пацифиста или сторонника ненасилия «Не убий» не имеет исключений. Строгие приверженцы двух этих позиций не совершат намеренного убийства и не будут участвовать в насилии ни при каких обстоятельствах, неважно, насколько эти обстоятельства тягостны. Но для большинства других людей эти правила и принципы, кроме, пожалуй, «Относись к другим с уважением», имеют исключения. Например, мы говорим: «Не убивай, кроме как в целях самозащиты», «Не убивай, кроме как в целях защиты других».

Эти примеры указывают нам на один из способов рассмотрения исключений. Мы можем включить исключение в само правило, мы так и делаем по завершении процесса критического мышления, который может различаться в зависимости от теоретических предпочтений мыслителя. Однако в лучшем случае такой прием, как вставка исключения в само правило, сродни временному лечению. Многие ситуации нельзя разрешить посредством добавления исключений в качестве оговорки к основному правилу. Добавление сначала одного, потом другого исключения к правилу также делает его тяжеловесным и тем самым сложным для применения. Кроме того, такое добавление исключений не дает нам понимания того, почему при одних условиях допустимы исключения, а при других нет.

¹ Hursthouse R. On Virtue Ethic. Oxford, 1999. В особенности см.: Гл. 2 и 3.

Другой прием в отношении исключений состоит в развитии теории, которая помогает нам решать, когда делать и когда не делать исключение. Отчасти теория помогает нам, отвечая на вопрос «почему». Она обосновывает или объясняет исключение. Нет никаких сомнений в том, что развитие теории – такая же оговорка и весьма трудный процесс, так что обычно мы не желаем включаться в дело построения теории, пока не увидим какой-либо выгоды этого предприятия. Если, например, мы имеем дело с некоторой этической ситуацией, которая возникает редко и в любом случае не оказывает существенного влияния на нашу жизнь, то она не заслуживает того, чтобы ради нее мы пытались развивать теорию. Но есть ситуации, ради которых стоит прилагать усилия, развивать теорию и тратить на это время, особенно когда мы имеем дело с институциональными этическими проблемами. Например, в медицине решения, затрагивающие вопросы жизни и смерти, принимаются каждый день. Работники здравоохранения по умолчанию будут следовать таким правилам, как «Не вреди» и «Делай, что можешь, чтобы облегчить боль и страдание». Но знаменательно, что два эти принципа (или правила) вступают в конфликт. Старый дядя Бен непрерывно испытывает боль и страдает тяжелой депрессией, поскольку знает, что ему не на что надеяться. Он хочет умереть быстро и безболезненно. Но его врачи считают, что, если ответят на его просьбу прекратить боль и умиртвят его, они нарушат «принцип “Не вреди”».

Как же мы можем решить, что делать? Итак, один шаг, который мы можем предпринять, – это задаться вопросом, есть ли у нас веское основание для выполнения просьбы нашего дяди². В действительности мы уже ответили на этот вопрос. Дядя Бен страдает, и его страдание непрерывно отчасти, например, потому, что бригада врачей исчерпала средства лечения, которые могли бы сделать его страдание по меньшей мере терпимым. Такая постановка вопроса подсказывает нам второй шаг в решении вопроса, что делать. В обычной ситуации мы не захотели бы делать исключение из правила, требующего не убивать, не захотели бы умертвить дядю Бена, даже если бы у нас было веское основание, пока не рассмотрели бы другие альтернативы. Эти альтернативы, вероятно, более приемлемы с точки зрения степени боли и страдания. Если бы мы могли с помощью медикаментов избавить его от мучения, мы бы сделали это. Но к сожалению, это невозможно. Следовательно, решение «умертвить» – крайнее средство.

Таким образом, процесс принятия решения по поводу приемлемости исключения из правила не убивать предполагает соединение двух ограничений: веских оснований и крайнего средства. Но необходимо, чтобы действовало еще и третье ограничение. Иногда его называют принципом соразмерности. До принятия окончательного решения необходимо сделать расчет, который покажет, что в целом прекращение жизни Бена принесет больше блага, нежели ее продолжение. Другое ограничение, или критерий, можно назвать принципом подлинной правомочности. Согласно этому принципу, или критерию, решение о прекращении жизни Бена может быть обоснованным, если только он высказался по этому вопросу. Он должен дать согласие. Определенные члены группы здравоохранения также должны высказаться.

² *Fotion N., Tai J.H. Applying Just Medical Theory to Medical Research // Philosophical Inquiry. 2002. Vol. XXIV. No. 1–2. P. 29–42.*

Таким образом, существует четыре критерия, или принципа, которые необходимо применить прежде, чем будет сделано исключение из основного морального правила. Можно или вероятно, следует добавить и другие. Но сказанного уже достаточно, чтобы показать в общих чертах, каким образом может работать теория исключений в медицине.

В рамках медицины эта теория может варьироваться. Вместо рассмотрения истории с дядей Бенем предположим, что мы вовлечены в клинический эксперимент, предполагающий использование людей. В этом контексте условия согласия иные. Согласие должны дать не только испытуемый и экспериментаторы, но также и местные (и/или национальные) институциональные наблюдательные комитеты (institutional review board). Теория также меняется, когда приходится устанавливать другие условия. Если, например, предполагается, что эксперимент должен включать средство плацебо (даже если для сравнения с новым типом лекарства может быть использовано старое), необходимо задаться вопросом: «Существует ли достаточно веское основание (убедительный мотив) для проведения этого конкретного эксперимента?». Критерий соразмерности также будет варьироваться. Теперь при измерении выгод и потерь от проведения эксперимента следует учитывать всех тех людей, которым новое лекарство принесет пользу, а также всех тех людей, которые пострадают в результате проведения этого эксперимента.

Мы можем точно так же разработать теорию исключений для журналистики³. Применяя теорию, мы можем задаться вопросом: «Есть ли у журналистики веское основание для нарушения правила правдивости?». Репортер, притворяющаяся врачом, может считать, что у нее есть такое основание, если, обманывая, она сможет разоблачить коррупцию в сфере здравоохранения. Ее веское основание для исключения из правила правдивости будет отличаться от веских оснований, обычно приводимых в медицине, и все же и ее основание будет веским. Она также должна будет обратиться и к критерию крайнего средства. Она не должна будет делать исключения из строгого для журналистики правила правдивости, пока не исчерпаны другие способы для раскрытия коррупции. Например, она может попытаться обнаружить письменные свидетельства коррупции, но ей это не удастся из-за того, что коррумпированные врачи ликвидировали эти свидетельства. Необходимо учесть и критерий соразмерности. Журналистка должна будет показать, что результат ее расследования принесет большее благо в сравнении с тем злом, которое проистекает из ее обмана. И она также обратится к критерию легитимной власти. Она прибегнет к обману только после того, как обсудит, что собирается делать, со своим издателем и другими должностными лицами в ее газете. Опять же, как и в медицине, здесь могут действовать и другие критерии. Журналистка, поскольку она разоблачает коррупцию, должна обратиться и к критерию публичного рассмотрения. Принятие принципа «говорить все», как мы можем предположить, помогает утвердить доверие к журналистской профессии, ее газете и к ее собственной репутации.

Теперь мы можем представить, что те конкретные теории, которые сталкиваются с проблемой исключений, и очень похожие, и отличающиеся в некоторых отношениях, могут развиваться не только в сфере здравоохранения и журнали-

³ Black J., Steele B. Barney R. *Doing Ethics in Journalism: A Handbook with Case Studies*. 2nd ed., Boston; L., etc., 1995. P. 120.

стики, но и также в бизнесе, праве, образовании и в других областях. Как мы видели, можно даже представить, что не одна, а больше теорий могут развиваться и быть признаны полезными в каждой из этих профессиональных областей в зависимости от типа деятельности. В оставшейся части этой статьи я буду доказывать, что именно это и должно произойти, когда мы начинаем делать исключения из традиционных правил этики в сфере военной деятельности.

Военная этика

В военной сфере теория исключений развивается интенсивнее, нежели в какой-либо иной сфере. Она известна как теория справедливой войны⁴. Долгое время самая распространенная версия этой теории относилась к ситуациям, в которых два государства угрожали друг другу войной. Первоначально теория представляла собой конструкцию «государство-против-государства». Эта теория также подразделяется на две части, одна из которых имеет дело со справедливостью войны (*jus ad bellum*), другая – со справедливостью в ходе войны (*jus in bello*), то есть со справедливостью вступления в войну и со справедливостью ведения войны. Основание для такого различия непосредственно связано с природой войны. Войны – это скорее состояния, нежели действия или события. Мы говорим, что находимся в состоянии войны. Это означает, что война необязательно длится несколько часов, один день и т. п., хотя и это возможно. Обычно она длится неделями, месяцами и даже годами. Так что справедливость или несправедливость войны могут проявляться на пути к войне, и затем, позже, после того, как война начнется, они проявляются на протяжении недель, месяцев или лет в процессе ведения войны. Заметьте, насколько все иначе в отношении правильности (справедливости) или неправильности (несправедливости) в хирургии. Хирургические операции обычно идут несколько часов. Теория может определить, что будет правильным или неправильным в ходе операции до того, как она началась. Так что медицина и такие сферы, как журналистика, право, действия по наведению порядка, в меньшей степени нуждаются в различении, сравнимом с различением между справедливостью вступления в войну и справедливостью ведения войны.

Поскольку теория справедливой войны разделена на части, обычно формулируют шесть критериев справедливой войны⁵. Первый – критерий веского основания (или обычно его называют критерием правого дела). Государство должно иметь веское основание для вступления в войну, раз допускается, что война предполагает серьезные исключения из семейства правил, запрещающих насилие. Но теория на этом не останавливается. Она определяет особые веские основания, которые позволяют делать исключение из семейства правил, запрещающих убийство⁶. Например, она говорит, что одно веское основание – самозащита, когда угроза серьезного нападения существует в данный момент. Другое веское основание – недавнее серьезное нападение. Факт, что враже-

⁴ См.: Фоушин Н., Коппитерс Б., Апресян Р. Введение // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М., 2002. С. 15–46.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: Келеманс К. Правое дело // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 47–64.

ское нападение завершилось, не меняет ситуации. Допустимо считать, что враг продолжает свои агрессивные действия и тем самым заслуживает наказания. Третье веское основание оправдывает упреждающий удар. Здесь принято проводить различие между упреждающим и превентивным ударом. Первый предпринимается перед лицом очевидной и *наличествующей в данный момент* опасности. Враг собирается напасть сейчас, в любой момент. В ситуации, требующей упреждающего удара, государство, находясь под угрозой уничтожения, первое наносит удар. В противоположность этому, превентивный удар предпринимается перед лицом очевидной, но *будущей* опасности. Теория справедливой войны допускает первое, то есть упреждающий удар, но не второе. Вскоре станет ясно, по каким причинам. Кроме того, в качестве других веских оснований для вступления в войну можно рассматривать нападение на дружественное государство в настоящий момент времени или недавнее нападение на него, зарождающаяся либо разрастающаяся гуманитарная катастрофа.

Необходимо сделать важное замечание по поводу всех этих оснований правого дела. Данный список не является закрытым. Неправильно считать, что согласно данной теории только эти основания для вступления в войну являются вескими и никаких других оснований не существует. У нас нет способа удостовериться, что были определены все веские основания для вступления в войну. Например, может оказаться, что технологии в форме оружия массового поражения заставляют нас задуматься о некотором новом основании для вступления в войну, отсутствующем в традиционном списке. Когда я буду рассматривать аргументы в отношении справедливости войны в Ираке в 2003 г., я еще буду об этом говорить.

Второй – критерий крайнего средства⁷. Это важный критерий отчасти из-за того, что он помогает объяснить, почему превентивные войны традиционно считались несправедливыми в то время, как упреждающие – справедливыми. Согласно этому критерию, или стандарту, война не является справедливой до тех пор, пока не использованы другие средства. Превентивная война обесценивает этот критерий. Аргумент состоит в том, что, поскольку превентивная война ориентирована на будущую войну (когда, например, враг будет сильнее), в данный промежуток времени следует использовать пока еще имеющиеся другие средства. Так, принцип крайнего средства говорит нам, что выбор в пользу войны не должен быть сделан до тех пор, пока не будут использованы менее дорогие средства – такие, как переговоры, санкции и т. п. Третий – критерий соразмерности⁸. Согласно этому критерию, если издержки, которые повлечет за собой ведение войны, перевешивают предполагаемые выгоды, она является несправедливой. Четвертый – критерий вероятности успеха⁹. Согласно этому критерию, серьезное дело вступления во войну следует предпринять, если не существует никакого другого разумного шанса на достижение некоторой значимой государственной цели. Пятый – критерий их намерений¹⁰. Это достаточно спорный критерий, поскольку он весьма субъективен. Он также является спорным, поскольку трудно решить, в чем состоит намерение государства. В конце концов государство состоит из многих людей, у каждого из которых –

⁷ См.: *Коппитерс Б., Апресян Р., Келеманс К.* Крайнее средство // Там же. С. 141–167.

⁸ См.: *Фоушин Н.* Соразмерность // Там же. С. 129–140.

⁹ См.: *Фоушин Н., Коппитерс Б.* Вероятность успеха // Там же. С. 113–128.

¹⁰ См.: *Коппитерс Б., Кашиников Б.* Добрые намерения // Там же. С. 87–112.

свои намерения. То же можно сказать и о членах правительства, которые должны принимать решения по поводу вступления в войну. У всех у них разные намерения. И все же теория справедливой войны настаивает на том, чтобы мы пытались формулировать намерения государства, и, кроме того, настаивает на следующем разъяснении значения этого принципа: намерение государства должно сочетаться с принципом правого дела (например, ради поражения агрессора), а не ради достижения, например, выгоды государства в форме огромного количества дешевой нефти. Последний критерий *jus ad bellum* – критерий легитимной власти¹¹. Аргумент состоит в том, что, начиная справедливую войну, государство должно позаботиться о том, чтобы реально войну начинали лица, уполномоченные решать вопросы войны. Если войну начинают генералы, частные военные группы, политические партии, религиозные группы и т. д., такая война не является справедливой, конечно, до тех пор, пока одна из этих групп не оказалась для государства легитимной властью. Данный критерий, подобно критерию добрых намерений, также является спорным. В настоящее время многие доказывают, что для начала некоторых войн, таких как гуманитарные войны, легитимной властью является Организация объединенных наций, а не какое-либо государство или группа государств.

Таков беглый обзор принципов *jus ad bellum* теории справедливой войны. Теперь столь же бегло рассмотрим принципы *jus in bello*. Традиционно эту часть теории составляют два принципа. Первый – принцип соразмерности¹². Только теперь добро против зла в отношении войны характеризует не само начало войны, а ведение уже начавшейся войны. Таким образом, согласно теории, об этом принципе нужно говорить перед началом сражения или какой-либо крупной операции. Второй – принцип различия¹³. Во время войны воюющие стороны призывают различать допустимые для нападения цели – такие, как солдаты, матросы, летчики и, возможно, рабочие военных заводов, и недопустимые – такие, как дети, владельцы магазинов, медицинские работники, духовенство. Принцип различия применяется не только к людям, но и к объектам. Аэропорты, дороги и железнодорожные объекты, интенсивно используемые военными, заводы, изготовляющие военное снаряжение, так же, как и объекты, предназначенные для военных нужд, – все это подлежит нападению, а госпитали, религиозные учреждения, школы и дома гражданского населения не подлежат.

Каким образом обосновывается каждый из принципов теории справедливой войны и каким образом обосновывается вся теория в целом – это вопросы, на которые необходимо ответить в другое время. Но даже в форме плана – это теория. Это теория, которая требует соблюдения каждого критерия. Если государству не удастся соблюсти один из критериев, например, крайнего средства, тогда теория говорит, что это государство вступило в войну несправедливо. Так что в данном смысле теория очень строга. Однако она менее строга, чем кажется, поскольку сами принципы сформулированы настолько общо, по некоторым утверждениям – неопределенно, что допускает разнообразные интерпретации. Рассмотрим критерий правого дела в отношении гуманитарной интервенции. Можно утверждать, что Соединенные Штаты, Британия и другие их союзники

¹¹ См.: *Коппитерс Б.* Легитимная власть // *Нравственные ограничения войны: проблемы и приемы.* С. 65–86.

¹² См.: *Дамм Г. ван, Фоушин Н.* Соразмерность // Там же. С. 174–187.

¹³ См.: *Хартл Э.* Различие // Там же. С. 188–211.

вступили в Ирак по причине злодеяний режима Саддама. И все же многие из злодеяний не были совершены непосредственно перед вторжением и во время вторжения в 2003 г. Дело не обстояло и так, как если бы масштабные злодеяния совершались здесь и сейчас и необходимо было предпринять акцию с целью подавления опасного процесса. Действительно, исторически было предостаточно доказательств, показывающих, что режим Саддама был чрезвычайно жестоким по отношению к курдам на севере, по отношению к шиитам на юге и ко всем другим народам – во всем Ираке. Режим был также жестоким по отношению к огромному числу отдельных людей и целых семей. Следовательно, вопрос состоит в том, можно ли считать, что интервенция в Ирак как гуманитарная интервенция отвечает критерию правого дела или нет? Теория справедливой войны не дает однозначного ответа на этот вопрос. Некоторые теоретики справедливой войны скажут, что война не обоснована, поскольку гуманитарный критерий неприменим. Главные кровопролития режима Саддама были совершены в далеком прошлом. Другие будут доказывать, что это основание применимо, поскольку кровопролития были чрезвычайно опасными, и что менее масштабные античеловечные практики продолжались в Ираке вплоть до вторжения. По существу они доказывают, что режим Саддама по своей природе является античеловечным.

Вторая теория справедливой войны

Так что теория справедливой войны сталкивается с серьезными проблемами. Принципы формулируются настолько расплывчато, что, когда дело доходит до применения, их по-разному перетолковывают. В результате два искренних теоретика справедливой войны могут расходиться во мнениях относительно справедливости той или иной войны. Но я бы хотел перейти к обсуждению другой столь же серьезной проблемы. Эта проблема касается сущности традиционной теории справедливой войны, которую выражает противостояние государство-против-государства. Исторически, по меньшей мере последние несколько столетий после Вестфальского мира (1648), данная теория главным образом считалась применимой к решению проблем, возникающих в ситуации государство-против-государства. Однако возникает вопрос, дает ли нам эта теория достаточно ясное понимание того, как действовать, когда угроза войны против государства исходит не от другого государства, а от некоторой повстанческой или партизанской организации?

Нет, не дает. Вследствие этого, как я покажу, в теорию необходимо внести изменения. Точно так же, как теория исключения, применяемая в одном из подразделов этики (например, в медицине, в ситуации, когда необходимо принимать решение о том, умерщвлять ли Бена), отличаются от теории исключений, применяемых в другом подразделе (например, в медицинских экспериментах), теория, применяемая в ситуации войны государство-против-государства, будет отличаться от теории, применяемой в ситуации войны государство-против-негосударства (**state-versus-non-state wars**). **Поскольку различия касаются разделов или подразделов, необходимо признать, что различаются также и теории исключения, которые должны в них применяться. Теории должны быть привязаны, как это и было, к соответствующему разделу или подразделу.**

В таком случае я предлагаю различать две сферы войны, в отношении которых будут применяться разные теории. Классическая теория справедливой войны (Regular Just War Theory), как я ее называю, – это традиционная теория, которая имеет дело с конфликтом государство-против-государства. В противоположность этому неклассическая теория справедливой войны (Irregular Just War Theory) имеет дело с конфликтом государство-против-не-государства.

Для начала рассмотрим, как нужно изменить принцип легитимной власти с тем, чтобы учесть особые условия конфликта государство-против-не-государства. В ситуации конфликта государство-против-государства можно выявить власть, которая легитимирует войну. Для любого собирающегося вступить в войну государства вопрос состоит в том, была ли война должным образом санкционирована? Однако в отношении конфликта государство-против-не-государства такой вопрос часто и поставить нельзя. У повстанческой группы может быть руководитель, как у кубинских революционеров в 1960-е, но сам руководитель не обладает легитимностью¹⁴. Кастро не был главой действующего правительства или даже формирующегося правительства. Он был лидером не государства, а несанкционированной группы. Благодаря харизме, хитрости и удачливости он обрел свой статус, но он не обладал статусом легитимной власти.

Следовательно, если мятежные, несанкционированные или другие незаконные группы оказались вовлеченными в войну с государством, нет никакого смысла требовать от этих групп выполнения принципа легитимной власти. Государство, вовлеченное в конфликт, все-таки должно соблюдать этот принцип, но не негосударственная группа. Иными словами, именно в силу того, что у оппозиции нет личности или группы, которые могут действовать в качестве легитимной власти, у государства, которое имеет такую личность или группу, нет основания быть освобожденным от обязанностей санкционировать эту войну легитимным способом.

Другой принцип – принцип вероятности успеха – также необходимо изменить с тем, чтобы учесть различие между войнами государство-против-государства и государство-против-не-государства. Поскольку ресурсы негосударственных групп, участвующих в войне, настолько ограничены и их организационные достижения минимальны, то для большинства из них почти невозможно оценить свои шансы на успех. Государства по меньшей мере могут приблизительно оценивать свои шансы. Они могут понять, равны ли по силе их армии армиям потенциальных противников, и исходя из этого рассчитать, возможно ли достичь того или иного успеха хотя бы при условии долгой и напряженной борьбы. Но особенно в начале судьба мятежных групп трагична, и, по-видимому, они не имеют никакого шанса на успех. Так что вряд ли справедливо настаивать на том, чтобы мятежники придерживались принципа теории справедливой войны, который они просто не могут соблюдать.

В отношении неклассической теории справедливой войны начинает просматриваться тенденция, которая заслуживает внимания. Обнаруживается асимметрия в применении двух установленных принципов. Эта теория отличается от классической теории, в рамках которой обе стороны должны играть по одинаковым правилам. Так что для тех, кто находится на стороне государства, правила (в действительности – принципы) – те же самые, что были установле-

¹⁴ См.: *Balfour S. Castro*. L.; N. Y., 1990. P. 36–63.

ны в рамках классической теории справедливой войны. Но для тех, кто противостоит государству с негосударственной стороны, эти правила не действуют. Поэтому негосударственные группы свободны от них.

Тем не менее они не свободны от принципов правого дела и крайнего средства. Вспомним, что, когда есть угроза войны между государствами, превентивные войны не допускаются, поскольку война, развязанная по причине будущей угрозы, не отвечает принципу крайнего средства. Так что война, развязанная для того, чтобы предупредить будущую войну, не является справедливой. Но ситуация оказывается совершенно иной в случае угрозы со стороны негосударственного образования. Такое образование не может легитимно объявлять войну государству, просто потому что оно не обладает легитимностью. И не только: трудно сказать, когда именно оно нападает. На заводе или на мосту прогремел взрыв. Является ли такой взрыв первым актом группы, которая до этого находилась в абсолютном подполье? Здесь многое неизвестно. Ничего не происходит, пока однажды какие-то государственные отряды не попали в засаду и не были убиты. И даже тогда не очевидно, что имеет место организованное сопротивление государству.

Здесь возникает вопрос: как должно реагировать государство? Как долго оно должно ждать, прежде чем принять контрмеры? Предположим, что разведка проинформировала государственных лидеров о местоположении многочисленной группы подозрительных мятежников. Также представим чисто теоретически, что собранная информация указывает на то, что мятежники не предпримут новое или первое нападение в течение некоторого времени. Предположим далее, что данные разведки со временем меняются. Мятежники много перемещаются. Таким образом, с одной стороны, ждать, чтобы собрать больше доказательств соучастия мятежников, – значит обесценить собранную о них информацию. С другой, атаковать – значит атаковать превентивно и, следовательно, по классической теории справедливой войны, несправедливо. Но что говорит неклассическая теория справедливой войны?

Она утверждала бы, что, даже если военный ответ мятежникам в значительной мере по своей природе превентивен, он допустим. Но почему? Во-первых, планы мятежников скорее всего не случайны. Мятежники не планируют военные действия лишь на случай, если произойдет что-то определенное. Скорее их планы представляют первый шаг в процессе, который постепенно приведет к насилию. Так что они по существу уже находятся в состоянии войны с государством. Таким образом, любой военный ответ мятежникам является превентивным, но превентивным в отношении нападения, которое уже осуществляется.

Во-вторых, отвечать мятежным группам труднее, поскольку они преимущественно скрываются. Когда государства воюют между собой, обнаружить, где находится враг, можно без всяких проблем. Существует граница, отделяющая их от нас, и вся та территория с другой стороны принадлежит «другой стороне». Знать, где находится враг, где его руководитель, и знать, как вступить с ними в контакт для ведения переговоров, в каком-то смысле – роскошь. Но она обеспечивает возможность применения принципа крайнего средства. Такая роскошь недоступна государству, имеющему дело с множеством типов мятежных групп. Для государства нелегко применять санкции к мятежным группам, оно не может бойкотировать их, не может угрожать им блокадой, не может

применять по отношению к ним средства сдерживания и во многих случаях не может вести с ними переговоры, потому что (часто) даже обнаружить их не может. Все это указывает на то, что принцип крайнего средства неуместен в отношении к мятежным группам и что в данном случае следует разрешить превентивное нападение.

Третье основание, разрешающее превентивное нападение, необязательно применимо ко всем и, возможно, даже к большинству мятежных групп. Тем не менее ко многим оно применимо. Если группы собираются применять или уже фактически применяют тактику нападения на уязвимые объекты, тогда они обладают потенциалом нанесения вреда государству способом, которому трудно противостоять. Мятежные группы могут разрушать железнодорожные станции, школы, коммерческие здания, автобусы и почти все, что им заблагорассудится. Любое государство, подвергшееся таким нападениям, не может позволить себе ждать нападений. Если возможно, оно должно предупредить такое нападение – превентивно, если это необходимо.

Так неклассическая теория вносит еще два изменения в классическую теорию. В список правого дела она вносит превентивное нападение и утверждает, что принцип крайнего средства соблюдать не требуется. В противоположность первым двум изменениям, эти два изменения поддерживают скорее государство, нежели негосударственную группу. Они позволяют государству, вовлеченному в ситуацию конфликта с негосударственной группой, легче вступить в войну, чем в ситуации конфликта между двумя государствами. Здесь важно упомянуть, что же не меняется при переходе от классической к неклассической теории справедливой войны. Принцип различия остается тем же. Можно доказывать, что он также должен быть изменен. Мятежники могут говорить, что у них нет выбора, кроме как игнорировать этот принцип. Это военная необходимость. Аргумент состоит в том, что они беззащитны перед лицом государственной военной машины, с которой они сталкиваются. У них нет танков, вертолетов и артиллерии. Атаковать государственную военную машину, не имея такого оснащения, равносильно совершению самоубийства и уничтожает все их шансы на осуществление революции. Не будучи в состоянии атаковать государственную машину прямо, им остается лишь атаковать уязвимые объекты: стариков, детей, матерей, коммерческие здания, школы и т. п.

Главное основание, в силу которого данный аргумент не работает, состоит в том, что негосударственные группы могут атаковать военную машину. Конечно, эти группы не могут сражаться с военной силой государства лицом к лицу. Кажется, что, если они будут вести симметричную войну с государством, они будут сметены. И все-таки их борьба может быть симметричной. Они могут совершать рейды, закладывать мины на дорогах, активно эксплуатируемых военными силами, использовать взрывные устройства, устанавливаемые в автомобилях рядом с военными базами и т. д. Нет никакого сомнения в том, что военные объекты атаковать гораздо труднее, нежели невоенные, причем как профессиональным военным, так и повстанцам. Также несомненно, что те и другие могут доказывать (вероятно, неправильно), что война закончится быстрее в том случае, если они будут систематично атаковать невоенные цели. И все же такие «истины» никогда не считаются достаточными для того, чтобы отказаться от принципа различия.

Критика и некоторые примеры

Теперь сделаем несколько замечаний по поводу подхода, основанного на применении двух теорий. Они представляют собой ответы на ряд тесно связанных критических вопросов, обращенных к этому подходу. Почему нам нужны две теории? Почему бы нам не включить изменения, о которых вы говорите в контексте неклассической теории, в классическую теорию справедливой войны? Далее, не правда ли, что неклассическая теория не настолько сильно отличается от классической версии, и если это так, то не очевидно ли, что нам не нужны две отдельные теории? Далее, готовы ли вы справиться с трудностями при определении, в каком случае какую теорию применять, ведь никакой четкой границы, отделяющей войну государство-против-государства от войны государство-против-не-государства, не существует? Наконец, не правда ли, что, допуская возможность превентивных войн, вы ослабляете сдерживающие средства, которые ограничивают войну, до такой степени, что практически в любое время, если государство захочет вступить в войну, оно может сделать это?

Сначала я рассмотрю вопрос, касающийся четкой границы. Конечно, такой границы не существует. И это означает, что иногда сложно понять, какую именно теорию применять. Такая трудность возникает, когда негосударственные группы постепенно формируются таким образом, что все в большей степени начинают функционировать как государства. Однако подход, основанный на применении одной допускающей внесение изменений теории (т. е. соединяющей в рамках единой теории те изменения, которые вносит подход двух теорий), сталкивается с той же проблемой. Когда-то при таком подходе было трудно понять, какие из критериев (старые или новые) следует применять. Единственный способ обойти эту проблему состоит в том, чтобы ухватиться за одну неизменную теорию, то есть – классическую теорию. При таком подходе ко всем применяется равное отношение, так что и нет никакой проблемы при определении того, использовать ли этот принцип в отношении одной группы, а тот – в отношении другой. Но издержки применения неизменной теории велики. Применение исключительно классической теории справедливой войны игнорирует многие упомянутые выше различия между государством и мятежными группами, участвующими в войне.

Но достаточно ли велики различия между войнами государство-против-государства и государство-против-не-государства, чтобы служить основанием для разработки двух теорий? Конечно, они велики. Эти различия значительны в отношении того, как обе стороны подготовлены к войне, какой тип военного оснащения они используют, что они определяют в качестве целей, как они вступают в борьбу с силами врага, какие боевые группы они используют, какова их общая организационная структура, как и где они расположены. Неудивительно, что хочется использовать одну теорию для тех войн, которые ведутся, между законной и не имеющими официального статуса силами, и другую – между двумя законными силами.

Но в конце концов можно и дальше приводить аргументы в пользу монистичной, хотя и видоизмененной, теории справедливой войны. Такая единая теория должна принять в расчет различия между законными и незаконными силами в войне. Так почему же я настаиваю на необходимости применения

двух теорий справедливой войны? Я делаю это исходя из чисто прагматического основания – основания, которое, по правде говоря, не является безупречно убедительным. В первую очередь я исхожу из удобства применения. Применение монистичной теории может привести к путанице. Включение в список изменчивых принципов наряду с неизменными порождает неясность в отношении того, какую именно версию каждого принципа необходимо применить. В большинстве случаев ясное представление сформировать проще, когда суждения, относящиеся к двум типам войн, отделены и образуют классическую и неклассическую теории.

Но насколько же просто применять две теории справедливой войны? Не все так просто, но применение двух теорий осуществимо. Рассмотрим следующие примеры. Кубинская революция. Здесь нет никакой неясности, поскольку силы Кастро до того, как захватили Кубу, представляли собой группу мятежного сброда¹⁵. Совершенно понятно, что к ним следует относиться по критериям неклассической теории справедливой войны. Кстати, одна из причин отсутствия в данном случае какой-либо неопределенности связана с неожиданным крушением режима Батисты, которому противостоял Кастро. Сегодня Кастро был мятежником, а завтра или практически завтра он стал руководителем государства. Поэтому если сегодня в отношении Кастро и его людей должна применяться неклассическая теория справедливой войны, то завтра – уже классическая.

Что можно сказать о гражданской войне в Америке? Это была в чистом виде проблема классической теории. Конфедерация быстро сформировала правительстве, поэтому эта война быстро стала войной между двумя государствами. Конфедерация вступила в войну в качестве государства. Так что здесь не возникает проблемы в понимании того, какую теорию применять.

А что можно сказать по поводу коммунистической революции в Китае? Несомненно, на ранних этапах революции была применима неклассическая теория. Несомненно, был период, когда коммунисты стали производить впечатление и действовать, как будто они сформировали государство, еще до того, как окончательно разбили противника¹⁶. Так что, казалось бы, этот случай свидетельствует о том, что мы непосредственно сталкиваемся с проблемой неопределенности. В действительности это не так. Причина состоит в том, что в теории справедливости войны начинает обсуждаться сразу, как только война началась. В результате то, что маоисты в своих действиях все более уподоблялись государству, не имеет никакого значения. Когда война началась, они представляли собой незаконную силу, и к ним следует относиться по критериям неклассической теории.

Что можно сказать о войне в Афганистане в 2002, когда силы коалиции, возглавляемые американцами, атаковали и Аль-Каиду, и Талибан? Кажется, что в случае Аль-Каиды необходимо применять неклассическую теорию, но если мы говорим о Талибане, наоборот, следует применить классическую теорию. Сталкиваемся ли мы здесь с проблемой? Нет, раз необходимо применить обе теории. Вопрос здесь не «или/или», а «и»: неклассическая теория справедливой войны должна применяться в отношении Аль-Каиды **и** классическая теория – в отношении Талибана. Здесь две войны, поэтому необходимо применять две теории.

¹⁵ См.: *Balfour S. Castro.*

¹⁶ См.: *Chesneau J., Le Barbier F., Bergere M.-Cl.* China: from the 1911 Revolution to Liberation / Transl. from the French by P. Auter, L. Davis and A. Destenaay. N. Y., 1977. См. гл.: 5, 6, 8, 9, 11.

Что можно сказать о конфликте между Израилем и Палестиной? Это война государство-против-государства или война между государством и не-государством? Данный случай сложен для двойственной теории справедливой войны по двум причинам. Во-первых, Палестинская автономия обладает некоторой легитимностью, имеет свою собственную территорию, официального лидера, должностных лиц, которые в состоянии содействовать функционированию общества, имеет полицию и т. д. Коротко говоря, она имеет большую часть институтов, благодаря которым может считаться государством. Но палестинцы имеют также организации типа Хамас, которые по крайней мере создают видимость независимой от Палестинской автономии деятельности. Если мы говорим об израильянах, трудно сказать, против кого они ведут войну. Сражаются ли они против государства или некоторых негосударственных групп или же они сражаются против и тех и других? Во-вторых, это действительно война в одном смысле и не война – в другом. Это война, поскольку борьба носит затяжной характер. Она длится долгое время. И все же это не война, поскольку борьба периодически прерывается. Сначала борьба, а затем – соглашения прекратить борьбу с тем только, чтобы потом опять последовала еще более масштабная борьба.

Если мы сосредоточим внимание на интерпретации, основанной на признании затяжного характера происходящего в этой части мира, то здесь при обсуждении вопроса о справедливости войны дискутируется применение как классической, так и неклассической теорий. С точки зрения данной интерпретации война началась очень давно. Открытым остается единственный вопрос – о том, как оценить справедливость поведения на войне каждой стороны. Но проблемы справедливости войны не обсуждаются в контексте объяснения, основанном на признании прерывного характера войны. Каждый раз при возобновлении борьбы имеет смысл обратиться к критериям справедливой войны. С этой точки зрения есть смысл спросить, должна ли здесь применяться классическая или неклассическая теория справедливой войны? Наилучший ответ – неклассическая теория. Нападения на израильское общество осуществляют главным образом или по меньшей мере непосредственно незаконные группы. Даже если эти нападения так или иначе поддерживаются Палестинской автономией, нападающими являются именно незаконные группы. Превентивные действия Израиля в таком случае обоснованны, но они не могли бы быть обоснованны в случае, если бы Израиль действовал против государства. Действия были бы обоснованны при условии, что у Израиля были неоспоримые основания считать, что Хамас и другие подобные ему организации планируют нападение на Израиль в будущем.

Можно доказывать, как и в случае войны в Афганистане, что Израиль может обратиться к классической теории, чтобы обосновать также нападение и на Палестинскую автономию. Частично обоснование такого нападения состояло бы в том, что Палестинская автономия предпринимает недостаточно шагов для подавления незаконных групп, и/или в том, что в действительности она поддерживает их. Однако при привлечении именно классической теории для оправдания нападения Израилю потребовалось бы перебрать все средства, прежде чем применить крайнее, а также ему потребовалось бы соблюдать в своих действиях все другие принципы теории справедливой войны.

Как показывают все эти примеры, принятие решения о том, какую из двух теорий справедливой войны применить, не является невозможным или даже особенно сложным. Проблемы, вызванные применением той или иной теории, не настолько велики, как кажется сначала, по крайней мере, это касается проблемы неопределенности.

Я еще не рассмотрел обвинение в сверхпопустительстве, выдвинутое против обосновываемого мной подхода. Является ли теория сверхпопустительствующей? Ее можно считать таковой, не в большей степени, чем допускающую изменения монистическую теорию. Последняя также признает возможность превентивной войны. Тогда, вероятно, обе теории следует обвинять в сверхпопустительстве войне. Однако я не думаю, что это правильно. Вспомним, что превентивные войны допускаются только по отношению к не имеющим законного статуса силам. Это означает, что вторжение в Ирак 2003 г. не может быть обосновано под видом «упреждающей» войны, оно по существу является превентивной войной. Если мы рассматриваем данный критерий, классическая теория говорит нам, что в отношениях с Ираком следует применять скорее политику сдерживания (одно из предпоследних средств), нежели предотвращения (*prevention*).

Но даже имея дело с незаконными группами, мы не можем справедливо оценить, насколько попустительствующей является неклассическая теория, не прояснив, что означает «предотвращение». В действительности существует два типа превентивных ударов, или войн. Классически превентивный удар, или война, имеет место, когда военная сила используется для нанесения первого удара. До превентивного удара нет никакой войны, после удара – она есть. Во время же борьбы с незаконными силами часто возникает ситуация, когда превентивный удар предотвращает последующее нападение незаконных сил. Легко перепутать два типа предотвращения при ведении войн с незаконными силами, поскольку, как отмечалось выше, такие войны часто имеют прерывный характер. Незаконные силы наносят удар однажды, но затем некоторое время не наносят ударов. Они могут ждать днями, неделями или месяцами, прежде чем предпримут новые нападения. Если государство действует в эти периоды покоя, его ответные действия создают видимость того, что государство вступает в войну. В действительности эта видимость настолько убедительна, что было бы естественно вспомнить все критерии справедливой войны для того, чтобы определить, приемлемы такие действия или нет. Упоминание этих критериев действительно может способствовать сдерживанию войны. Однако, допуская превентивные удары, неклассическая теория допускает их главным образом как превентивные удары второго типа. Эта теория разрешает нанесение ударов (только если выполнены все другие критерии), которые предотвращают *последующие*, но не *первые* удары противника.

Поэтому количество новых войн, которые допускает неклассическая теория, обосновывая возможность превентивных войн, не так велико, как может показаться. «Новые» войны сведены к войнам между государствами и не-государствами. Далее, они практически сведены к «войнам», имеющим прерывный характер. И наконец, их ограничивает условие, в соответствии с которым, прежде чем превентивный удар будет действительно санкционирован, необходимо выполнить другие критерии (например, соразмерности). В случае Израиля это

означает, что, даже если с его стороны превентивные меры в ответ на прошлые нападения на его народ являются правым делом, они все же могут оказаться необоснованными, если большую пользу принесет не военный ответ, а возобновление переговоров, применение санкций или что-то в этом роде.

Таким образом, в рамках теории справедливой войны подход, основанный на применении двух теорий, в конечном счете кажется жизнеспособным. Он помогает нам всегда ясно понимать, с каким типом войны мы имеем дело, он не настолько неопределен, каким кажется сначала, и хотя, возможно, данный подход санкционирует больше войн, нежели классическая теория, их количество сведено к минимуму.

Перевод *О.В. Артемьевой*

Список литературы

Дамм Г. ван, Фоушин Н. Соразмерность // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002. С. 174–187.

Келеманс К. Правое дело // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 47–64.

Коппитерс Б. Легитимная власть // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 65–86.

Коппитерс Б., Апресян Р., Келеманс К. Крайнее средство // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 141–167.

Коппитерс Б., Кашиников Б. Добрые намерения // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 87–112.

Фоушин Н. Соразмерность // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 129–140.

Фоушин Н., Коппитерс Б. Вероятность успеха // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 113–128.

Фоушин Н., Коппитерс Б., Апресян Р. Введение // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 15–46.

Хартл Э. Различие // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 188–211.

Balfour S. Castro. L.; N. Y.: Longman, 1990. 220 с.

Black J., Steele B. Barney R. Doing Ethics in Journalism: A Handbook with Case Studies. 2nd ed., Boston; L., etc.: Allyn and Bacon, 1995. 310 p.

Chesneaux J., Le Barbier F., Bergere M.-Cl. China: from the 1911 Revolution to Liberation / Transl. from the French by P. Auter, L. Davis, A. Destenay. N. Y.: Pantheon Books, 1977.

Fotion N., Tai J.H. Applying Just Medical Theory to Medical Research // Philosophical Inquiry. 2002. Vol. XXIV. No. 1–2. P. 29–42.

Hursthouse R. On Virtue Ethic. Oxford: Oxford University Press, 1999. 209 p.

Two Theories of Just War

Nicholas Fotion

Professor, Department of Philosophy, Emory University. Department of Philosophy, Emory University. 561 S. Kilgo Circle, Atlanta, GA 30322, USA: e-mail: philnf@emory.edu

As it is traditionally conceived, Just War Theory is suited well for dealing with nation-versus-nation wars and not with nation-versus-non-nation wars. It thus makes sense to create a second Just War Theory to deal with these wars and to formulate principles that impose constraints on them. The article explores the differences and similarities between the two theories. The first theory covers principles that sides in war should equally obey both before they made a decision to enter the war and in the course of the war. They are just cause principle, likelihood of success principle, last resort principle and discrimination principle. The second theory admits some asymmetry in abidance by the principles. In fact, it cancels the legitimate authority principle and the likelihood of success principle for the non-state side (like a non-state rebel, irregular or guerrilla organization) in conflict. And it modifies the just cause principle, allowing the possibility for the nation to make a preventive attack which is not permissible in nation-versus-nation wars. It also weakens the last resort principle for the nation. But the discrimination principle, that makes impossible to attack old folks, children, medical care providers, the clergy, hospitals, schools, homes of civilian population, and the like should be unchangeable for both war parties. No reasons have been thought of as sufficient for cashiering of the discrimination principle. It is emphasized that both Just Wars Theories face different kinds of problems but they are not unresolvable. The article analyses some applications of the theories.

Keywords: Just War Theory, just cause principle, likelihood of success principle, legitimate authority principle, last resort principle, humanitarian intervention

References

- Balfour, S. *Castro*. London, New York: Longman, 1990. 220 pp.
- Black, J., Steele, B., Barney, R. *Doing Ethics in Journalism: A Handbook with Case Studies*. 2nd ed., Boston, London, etc.: Allyn and Bacon, 1995. 310 pp.
- Chesneaux, J., Le Barbier, F., Bergere, M.-Cl. *China: from the 1911 Revolution to Liberation*, transl. from the French by P. Auter, L. Davis, A. Destenay. New York: Pantheon Books, 1977.
- Coppieters, B. “Legitimnaya vlast” [Legitimate power], *Nravstvennyye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases], ed. by B. Coppieters, N. Fotion, R. Apresyan. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 65–86. (In Russian)
- Coppieters, B., Apresyan, R. and Keulemans, K. “Krainee sredstvo” [Extreme means], *Nravstvennyye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 141–167. (In Russian)
- Coppieters, B., Kashnikov, B. “Dobrye namereniya” [Good intentions], *Nravstvennyye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 87–112. (In Russian)
- Keulemans, K. “Pravoe delo” Правое дело [Just cause], *Nravstvennyye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 47–64. (In Russian)
- Fotion, N. “Sorazmernost” [Proportionality], *Nravstvennyye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 129–140. (In Russian)

Fotion, N., Coppeters, B. “Verotyanoost’ uspekha” [Probability of success], *Nravstvennyye ogranicheniya voiny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 113–128. (In Russian)

Fotion, N., Coppeters, B. and Apresyan, R. “Vvedenie” [Introduction], *Nravstvennyye ogranicheniya voiny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 15–46. (In Russian)

Fotion, N., Tai, J.H. “Applying Just Medical Theory to Medical Research”, *Philosophical Inquiry*, 2002, vol. XXIV. no. 1–2, pp. 29–42.

Hartl, E. “Razlichie” [Difference], *Nravstvennyye ogranicheniya voiny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 188–211. (In Russian)

Hursthouse, R. *On Virtue Ethic*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 209 pp.

van Damm, G., Fotion, N. “Sorazmernost’” [Proportionality], *Nravstvennyye ogranicheniya voiny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. pp. 174–187. (In Russian)